

Мое прошлое незаурядно. Как и настоящее.

Я читал когда-то, что в мире до сих пор существуют страны, в которых действуют средневековые законы. Дети в таких странах, уверен, учатся выживать с момента своих первых шагов. И не будут считать работу по транспортировке металлических брусьев в шестилетнем возрасте, или длинные босоногие очереди на получение допуска в образовательные заведения в шестнадцатилетнем – странным явлением.

В отличие от них, мое детство было беззаботным. А потом я решил его изменить.

Год назад. Северная Корея. Горный монастырь. Тогакуре-рю.

Заложив руки за спину, мастер Кириги медленно «стелил» свои шаги между рядами шиноби, внимательно наблюдая, как практически синхронно одну за другой каждый из них практикует стойки завершенной техники. Облаченные в темные тренировочные одежды и боевые формы с масками, скрывающими лица, его ученики были готовы к испытанию. Полностью сосредоточенные, достигшие высокого, достойного похвалы контроля над своими телами, эмоциями, своим разумом. Лишенные слабостей и страха.

Индивидуальность, пол, внутренние, внешние различия – не имели здесь значения, и более того – были помехой. Поэтому ученики должны закрывать лица, поэтому они идентично одеты, поэтому все следуют одному режиму: их сон, их пища, их тренировки, их обязанности – все едино.

Не уникальный человек, а часть единого. Одна из множества частей. Так уничтожают самомнение, так лишают сомнений и иллюзий «морали».

В монастыре каждого определяло то, чего он может достичь. Ничто иное.

И если ученик носил одежду отличную от прочих и мог не закрывать своего лица, то это значило, что мастер Кириги выделил его среди остальных. Ученик, которому давали звание Старшего. Достойный иметь свое мнение, стоять на ступени выше остальных, внушающий в сердца остальных искреннее уважение.

Другой же, кого мастер таким образом мог выделить – это тот, кто достоин стоять здесь, но кого он не принял. Ведь право этого тоже обязаны заслужить. Найти и добраться до этого секретного места – лишь первая ступень.

... Такой человек был здесь однажды. Европейец. Его имя, конечно, было фальшивым, но истинная личность не была для него секретом.

Достойный, но заблуждающийся ученик. Один из немногих, достигший уровня мастерства достаточного, чтобы быть обученным его секретным техникам. И тот, кто не будет их использовать. Слабость ли движет им, или сила, но его воля была непоколебима. В своем наивном стремлении «не убивать» он наверняка сможет найти тех, кто разделит его философию.

Мастер Кириги остановился перед чаном с горящим пламенем, и коротким движением ступней развернулся спиной к статуе, изображающей воина, облаченного в чешуйчатую броню и

древний шлем.

Перед ним, завершив последнюю кату плавным переходом из низкой стойки в высокую, выпрямившись и подняв головы, синхронно замерли четыре десятка очередных его учеников. Их равномерное дыхание растворялось в холодном воздухе вокруг масок облачкам горячего пара. Холодный свет не пробивающегося из облаков зимнего солнца и отблески пламени в жаровнях освещали тела, лица и бесстрастные глаза, в глубине которых, если присмотреться, все еще горело ожидание одобрения.

Секрет мастерства не в том, считает ли готовым и насколько высоко оценивает тебя твой мастер. Скорее в том, насколько ты сам оцениваешь уровень мастерства своих техник, насколько ты готов отдаться самосовершенствованию, оттачиванию своих навыков до своего предела человеческих возможностей, не смотря ни на кого и ни на что. Достигнуть предела своего тела, впиться в границы своих ограничений. Ведь совершенства техники не существует. Есть лишь тот, кто отточил ее до определенного уровня, и тот, кто отточил ее меньше. И умирает второй.

Поэтому они - «ученики».

Сильные, дисциплинированные, хорошо обученные, тренированные, и не понимающие сути. Все еще ждут его одобрения. Все еще ждут похвалы.

Мастер Кириги был строгим учителем. Один хмурый взгляд, которым он окинул их замершие в почтении фигуры, был всем, что они получили. Не найдя никаких ошибок, и не найдя ни одного проблеска понимания, он не посчитал нужным что-либо говорить, и молча развернувшись, с все также сложенными за спиной руками, вышел из зала тренировок.

Очень малое количество детей могут заметить странность своей жизни. Точнее, в нежном возрасте никто не замечает, пока им не с чем ее сравнить.

Мне всегда казалось странным, насколько поверхностно думают окружающие меня люди, насколько просты их желания и мотивы, что определяют их поступки. Лишь через некоторое время я понял, что дело не в окружающих.

Мой воспитатель был очень внимательным человеком. Когда закончились все задачи, которые он с коллегами мог придумать, он предложил мне ответить на письменный экзамен. Мне казалось, он со мной играет. В шесть лет я сдал IQ-тест с результатом в 296 баллов. Гениальный уровень интеллекта - так говорили, все, кто только мог. Кроме меня. В том возрасте я не себя считал особенным - мне казалось, что это все остальные просто не хотят задумываться.

Впрочем... я и сейчас того же мнения.

Этот мальчик был особенным, он понял это, как только увидел его.

В седьмую - последнюю ночь снежной бури, когда он постучал в их массивные ворота,

добравшись до монастыря, преодолев мороз, ветер и горные обрывы. Но его глаза в тот момент, когда он скинул с головы тяжелый, занесенный снегом меховой капюшон, были слишком чисты для человека... ребенка, что подвергся такому испытанию. Подвергал себя такому испытанию.

Одаренный. Талантливый. И умный – настолько, что не признавал своего таланта, предпочитая ПРЕОДОЛЕВАТЬ его границы, а не ограничивать себя ими.

Такие люди рождаются раз в тысячелетие.

Он принял его, пообещав подготовить к испытанию Чести, что должны пройти все ученики, чтобы заслужить право так называться.

Я всегда наблюдал за людьми. Так что в скором времени мог читать их, как открытые книги. И, как только появилась возможность, дополнил свой опыт теоретическими знаниями из специализированной литературы.

Видеть за психопортретом самого человека я научился немного позже, но важно было то, что я понял еще на этом этапе.

Ограниченность.

Умные люди, ученые, что ставили вперед свой интеллект в поисках причинно-следственных связей везде, во всем мире. Порыв я понимал, но они пытались подстроить мир под свои правила, найти свои закономерности и свою последовательность событий. Для них существовало лишь то, что они могли доказать, то, что могли увидеть на опыте, и не могло существовать того, что выходило за пределы их понимания.

Духовные люди, что предпочитали развитию своего интеллекта – развитие своей души. Они не искали знаний о материальном мире, предпочитая отстраняться от него, а порывы его изучения считали бессмысленными, имея просветления, подчерпнутые из религиозных трактатов и книг. Очень человечные, уравновешенные люди, что не стремятся открывать что-то новое.

Талантливые люди, те, что гордились своими умениями. Гордость, возвышение над другими.

Люди, что посвящают себя развитию собственного тела. «Тело мое – храм мой»...

И так далее. До бесконечности. Как много людей, так много и вещей, на которых они концентрируются, не замечая, или стараясь не замечать ничего кроме своего выбора.

Я не хотел быть таким человеком. Я предпочитал держать разум открытым, и открывать себя для бесконечности новых возможностей.

Поэтому я решил не концентрироваться на чем-то одном. А охватывать все.

Обучение мальчика было занимательным.

Но для начала он должен был проявить себя достаточно, чтобы получить право даже на то, чтобы приступить к нему.

Испытания разнились. Некоторые испытывали его разум, его волю ...

Черноволосый ребенок, сидящий в позе лотоса с закрытыми глазами в узкой древесной клетке, на глубине шестидесятиметровой ямы в абсолютной тишине, в абсолютной темноте на протяжении нескольких недель. Рядом лишь маленькая чаша с рисом и стакан воды, к которым он так и не притронулся, ведь они – были провалом экзамена.

... другие – его силы, решимость...

В той же самой одежде, в которой он пришел, он же, медленно карабкающийся вверх по отвесному, заснеженному склону, под ледяными порывами высокогорного ветра, несущего сплошную пелену белых хлопьев снега. Голова накрыта тяжелым капюшоном, лицо скрывает тканевая маска, намотанная в несколько слоев, и крепко привязанный шарф. Облачко горячего пара перед лицом, горячий воздух, что он выдыхает, тут же уносится в сторону и растворяется в морозном воздухе. Лишь чистые, яркие желтые глаза, все еще не потерявшие свой свет, полны внутренней силы, когда он поднимает свой взгляд, чтобы посмотреть наверх на едва виднеющуюся отсюда вершину склона. И тут же расширяются, при виде летящей ему на встречу массы тяжелого снега, сорвавшейся с отвеса. Меньше секунды, чтобы осмотреться по сторонам, пальцы в сплетенных перчатках крепко сжимаются на выступающих камнях, и в следующий миг он отталкивается всем телом, прыгая в сторону. Снег лепит глаза, а руки едва не соскальзывают с ледяной корки, покрывающей выступ под небольшим отвесом, в которой он в следующий момент ныряет, зацепившись ступнями, и о вершину которого со всей силы разбивается, разделяясь на сотни мелких, один из падающих белых комьев твердого снега.

... прочие – его способности, навыки...

Он же, стоящий посреди тренировочного ринга в боевой стойке в окружении нескольких десятков оппонентов, каждый из которых не только больше него, старше и сильнее, но и более опытен, как боец. Его желтые глаза, так и не потерявшие своего света, и мастер приходит к выводу, что никогда его не потеряют, а если это все же случится, то это будет сравнимо с провалом. Несколько комбинаций быстрых движений, его физическая сила пока еще несравнима с взрослыми бойцами, но ловкость, чувство равновесия, контроль окружающего пространства, скорость реакции, гибкость, скорость и плавность движений – во всем остальном он превосходил их на порядок. Превращаясь в вихрь, то опускающийся к ногам, едва ли не стелющийся по полу, то вздымаясь в воздух, летая перед лицами и над головами, он справился со всеми своими противниками, не дав им и шанса нанести удар.

... Не было никаких послаблений. Не смотря ни на возраст, ни на происхождение. Он не искал те места, где делают послабления.

Он выдержал каждое из них. Одно за другим. Каждое последующее более тяжелое, чем предыдущее. Не простой ребенок.

Ему нужна была сила. Но в нем не было ни ярости, ни страха, ни сожалений. Его поступки, разум были удивительно чисты. Он искал силу, потому что мог это делать, полностью отдаваясь учебе.

Саморазвитие. Достаточно редкая причина для того, чтобы искать Тогакуре-рю.

Он помнит только еще одну женщину, что пришла к нему, движимая схожим желанием.

Монастырь, о котором я слышал лишь истории и рассказы. Тогакуре-рю.

Я понимал, что легенды не возникают на пустом месте, но серьезно занялся его поисками только в одиннадцать лет, когда понял, что традиционные и редкие – нетрадиционные школы боевых искусств уже ничего не могут мне предложить. Уверен, что оставил о себе в них самые противоречивые воспоминания.

Учителя говорили, что у меня потрясающая, просто невероятная скорость обучения. Мне она, конечно, всегда казалась нормальной.

Мой мозг работает быстрее, чем у большинства людей. В сравнении со среднестатистическим человеком, моя когнитивная нейробиология ускорена в несколько десятков раз. А организм человека устроен так, что работа одной системы в перспективе не может не воздействовать на работу остальных.

При уровне мышечной памяти и скорости формирования условных рефлексов, мне было достаточно менее десятка повторений одного приема, состоящего из нескольких последовательных движений, чтобы он вошел на уровень приобретенного рефлекса. Уверен, для прочих учеников, каждый из которых был старше меня на несколько лет, и что тратили годы для полного освоения вышеозначенного приема, это было просто сводящим с ума зрелищем. Лично меня сводило с ума то, что они совершали ошибки даже после сотни его повторений.

Я потратил полгода, чтобы попасть на территорию Северной Кореи и добраться до гор, в которых и должен был располагаться легендарный монастырь.

В тот момент я и не предполагал, что задержусь здесь на такой долгий срок.

В другом крыле монастыря в закрытом тренировочном зале, освещенном в большей степени пламенем жаровен, нежели облачным, зимним небом, два Старших ученика проводили интенсивный спарринг.

Мастер Кириги остановился в открытом коридоре на уровне выше, с хмурым выражением лица наблюдая за происходящим внизу действием.

Два противника сошлись в битве в центре круга.

Сандра Ву-Сан, Шива, одна из лучших его учениц, была высоким и более опытным из оппонентов. Низким, более проворным и ловким был мальчик-подросток, Теодор Уайт, полукровка западного и восточного начала, второй из десятка лучших его учеников, достигший этого статуса всего за полгода и очень впечатливший его скоростью своего прогресса. А мастер редко когда бывал впечатлен.

Тогакюре-Рью - это школа ниндзюцу, берущая свое начало с периода Охо (1161-1163 годов).

Нидзюцу - это учение состоящее из восемнадцати фундаментальных дисциплин:

Сейшин-Теки-Кьо'Йо - духовное образование,

Тай-дзюцу - техника рукопашного боя,

Кэн-дзюцу - искусство ведения боя с помощью меча,

Бо-дзюцу - искусство ведения боя с помощью шеста,

Сюрикэн-дзюцу - искусство владения метательным оружием,

Нагината-дзюцу - искусство ведения боя с помощью нагинаты,

Кусаригама-дзюцу - искусство ведения боя с помощью косы с цепью,

Каяку-дзюцу - искусство владения пиротехникой и взрывчаткой,

Хэнсо-дзюцу - искусство маскировки и перевоплощения,

Шиноби-Ири - искусство скрытности и проникновения,

Ба-дзютсу - искусство верховой езды,

Суи-Рэн - тренировки в воде,

Борьяку - искусство военной тактики и стратегии,

Чохо - искусство шпионажа,

Интон-дзюцу - искусство исчезновения и невидимости,

Тэн-мон - искусство предсказания и использования погоды,

Чи-мон - знание географии.

И чтобы стать Старшим учеником, ты должен овладеть ими всеми. Иными словами овладеть мастерством ниндзюцу. Стать ниндзя.

Что я могу рассказать о Леди Шиве?

Она - словно меч наголо. Обнаженное, блестящее зеркало идеально-заточенного клинка, доведенное до совершенства с единственной целью - убивать.

Теодор, отвернув туловище, ушел в сторону от удара сжатыми пальцами, направленным в точку

на его шее. Размашистым движением взял в захват ее руку, и резко оттолкнувшись ступнями, плавно поднялся в воздух, в полете переместившись к плечам за спину Шивы. Еще в воздухе блокировал щитком на предплечье острый удар локтя, направленный ему в лицо.

Закончив «пирует» над ее телом, оказался прижат к спине, взял в специальный захват обманчиво тонкую шею, упираясь ступнями согнутых в коленях ног в ее бедра. Это был не конец, они оба знали лучше.

Шива вдруг извернулась так, что обе его ноги остались без «опоры». Локоть, направленный теперь ему в живот, он блокировал поднятым коленом, и тут же на задней стороне его воротника сжались пальцы ее второй руки.

В следующий момент он обнаружил себя летящим в воздухе. Мгновенье спустя сгруппировавшись, как раз вовремя, чтобы двумя руками с двух сторон захватить щиколотку, облаченную в черную ткань, едва успев таким образом остановить следующую за ней ступню от молниеносного соприкосновения с собственной грудью. Шива среагировала, как он и предполагал, не став ни отводить, ни освобождать свою изящную ногу, а молниеносно развернулась, опираясь ладонями о шершавый пол, размашисто ударила его второй ногой.

Уйти от такого удара было несложно, сложнее было после этого приземлиться на ноги. Теодор извернулся и на какой-то момент замер, уперевшись о пол ладонями и пальцами обеих рук, несколькими точными движениями ног отбив незамедлительно последовавшие быстрые удары руками.

После чего развернув свое тело еще раз, коротко прижавшись к земле, быстрым оборотом вокруг своей оси сделал подсечку и, завершая круговое движение, вновь встал в боевую стойку, уже нанося быстрый удар раскрытой ладонью.

Разумеется, каждый удар был смертельным, нанесенным с полноценным намерением убивать.

Шива никогда не сражалась иначе. Даже во время тренировочных боев.

А оскорблять ее, сдерживая себя при битве – удел Мастера Кириги и других людей его уровня.

Теодор еще не был близок к подобному уровню. Поэтому в поединке с Шивой действительно старался ее убить. Иначе с ней просто невозможно сражаться.

Три с половиной часа спустя, когда они, наконец, остановились, замерев друг напротив друга, Сандра Ву-Сан улыбнулась и произнесла:

- Превосходно.

Сейчас мне тринадцать лет и моя жизнь уже не та, что была прежде.

Я предполагал, что не смогу определить, как сильно изменюсь, когда только собрал достаточно денег и готовился к отправке. Но теперь, возвращаясь, я понимаю, что мне и не нужно

меняться, достаточно просто обогатить свой внутренний кругозор. Чем я и занимался эти пять лет, когда не совсем легально покинул город, а затем и страну, ради путешествия по миру.

Настоящее время. Декабрь. 22:34. Готэм-сити. Переулок преступлений.

Холодный ветерок поднялся в переулке между низкими кирпичными домами, прошелестев в воздухе несколькими оборванными газетными листами и клочками пожелтевшей бумаги.

Коротко оглянувшись по сторонам, Теодор прижался к запертой двери, сливаясь с тенью соседнего здания. Ритмичный сухой щелчок старого, ржавого замка и железная дверь медленно открывается, достаточно заметно скрипя давно не смазываемыми петлями.

Темнота уходящего вниз лестничного прохода озарилась едва заметным тусклым светом старинных уличных ламп. Несколько крыс, подняв головы в сторону шума, тут же с писком бросились вниз по старым деревянным ступеням. Затхлый воздух подвального помещения. И еще один знакомый запах.

Замершая на фоне дверного проема невысокая фигура, сложив руку в карман пальто, вытаскивает небольшой ручной фонарик, который спустя мгновение разбивает непроглядную темноту широким кругом искусственного света.

Под подошвами ботинок скрипит старое дерево, и с каждым шагом вверх поднимается облачко старинной пыли. Кто бы то ни был, он давно не пользовался именно этим входом.

Наконец, ноги коснулись деревянного пола, и Теодор оглянулся, осветив все уголки большой комнаты, всю заставленную хламом, старинными вещами и развалившейся мебелью. Гроздь паутины тянулись с потолка до ближайших остовов мусора, и годовой слой пыли застилал все видимые ровные поверхности.

«Тупик»- подумал бы любой на его месте. Но не Уайт.

Все улики, все следы вели куда угодно, но совершенно не в этом направлении, но он никогда не думал по меркам остальных.

Пройдя внутрь помещения, обойдя стены, он без всяких предпосылок остановился перед одной из них. И только после этого постучал по шершавой поверхности полуотклеившихся обоев, получив в ответ очень глухой звук.

Пинком пробив тонкую стену, свободной рукой оттолкнул треснувший край и заглянул внутрь.

Небольшой склад. Судя по железной двери в противоположенной стене с рычажным механизмом открытия, сообщающийся с городской канализацией. Часто используемый. Резервный выход и способ отхода. Один из нескольких.

«Вот и весь твой секрет»- подумал подросток, прохаживаясь вдоль деревянных полок, освещая и рассматривая один за другим сплошные красные шлемы из двухстороннего зеркала, лежащие на сложенных широких красных плащах, и подвешенные под ними многочисленные черные смокинги.- «Красный Колпак»

Классический отвод глаз, без которого не обходиться ни один уличный фокус. Самый яркий

элемент привлекает к себе внимание, и отвлекает зрителей, в то время как главное действие происходит по периферии.

Громкое дело о Красном Колпаке, только на этой неделе совершившим пятнадцать дерзких ограбления по всему городу.

В то время как полиция и детективы так усердно ищут любые сведенья, ведущие к таинственной личности этого эксцентричного преступника, они в меньшей степени остаются заинтересованными мелкой сошкой, «помощниками», которых он нанимает для проворачивания своих дел.

Секрет в том, что никакого Красного Колпака не существует. Это всегда разные люди – те, что работают в одном из предприятий, которые подвергаются рейду. Эти гангстеры просто наряжают этого человека в костюм. Поэтому у Красного Колпака всегда есть «план», всегда есть способы проникновения внутрь, обезвреживания системы безопасности, и пути отхода, часто несколько путей. Гениальный преступный интеллект.

И всю работу выполняют его «помощники», «шестерки», которых он нанимает.

Теодор, разумеется, уже знал об этом. Сопоставив все факты, это было несложно понять. Но теперь у него были доказательства, подтверждающие его теорию.

Всмотревшись в отражение на гладкой поверхности красного стекла, немного поправил козырек своей английской кепки. Потом достал из своего внутреннего кармана мобильный телефон, пару раз провел пальцем по экрану и поднес к уху.

- Алло?- раздался на той стороне недовольный мужской голос.

- Детектив Буллок, добрый вечер. Это Уайт,- представился он.

- Чт...? Уайт?- последовал протяжный вздох.- Слушай, малыш, я тут занят важным делом, и...

- Дело о пропаже Каннингема? Он находится на борту «Файнал Оффер» в порту Готэма у мистера Кобблпота.

- ... то, что мы дали тебе... А?

- У меня появились сведенья о деле Красного Колпака. Переулок преступлений, дом тринадцать дробь один, вторая дверь в подвал.

- Э-э. «Файнал Оф...» Стоп! Красный Колпак! Ты сказал Красный...

- Ох... Простите, детектив Буллок. Кое-что случилось. Я перезвоню.

- Стой! Малыш!

Убрав телефон, Теодор буквально наяву представил себе, как Харви раздраженно взбрыкивает, наверняка даже в присутствии Монтойи.

И медленно обернулся, выхватывая светом фонарика стоящую за его спиной в темноте монументальную фигуру.

Мужчина, одетый в облегающую тело однотонный костюм полу-броню. Перевязи стальных ножей на груди блестели, как и наплечники, кинжалы на поясе, и стальные когти на руках. Из-

за правого плеча виднелась рукоять изогнутого меча. Но больше всего в глаза бросалась маска-капюшон, скрывающая лицо и шею, выполненная в такой форме, чтобы напоминать свиную голову. Круглые окуляры на месте глаз лучше всего ловили свет, и поэтому казались светящимися.

Он знал, кто это такой. Видел фотографии людей в белых масках, вокруг человека в костюме схожего стиля с различными датами, когда расследовал дело, что было слишком поспешно закрыто, потому что могло касаться ...

- Мистер Коготь,- Теодор кончиками пальцев коснулся козырька своей кепки, обозначая приветствие.- Добрый вечер. Мы не были официально представлены друг другу.

- Теодор Уайт,- раздался из-под маски-клюва измененный, гортанный мужской голос. Молодой, европеец, ирландские корни, 25-30 лет, не курящий. С характерным звоном обнажил два широких кинжала, крепко сжав рукояти в обратной хватке.- Суд Сов приговорил тебя к смерти.

... тайного общества, известного как Свинный Суд.

И я знаю, что это только начало.

Примечания:

Харви Буллок обращается к Теодору словом: "kid" - что в одинаковой степени может означать, как русское обращение "малыш, малышня, парнишка", так и грубоватое "пацан".

<http://tl.rulate.ru/book/37522/807997>